

КЛАССИКА СТРАНЫ СОВЕТОВ

Сколько бы ни было издано монографий о творчестве Александра Ивановича Лактионова, репродукция с одной, и только одной, но зато популярнейшей его картины — «Письмо с фронта» — неизбежно будет, как и прежде, помещаться на обложке или супер. Лактионов принадлежит к числу мастеров, у которых не приходится искать центральное, программное произведение. Написанное в самом расцвете творческих сил тридцатилетним, практически никому не известным дотоле художником, «Письмо с фронта» сразу же сделало Лактионова знаменитым, введя его в круг классиков советского искусства. Про него можно сказать, что он сразу задал себе музейную высоту, минуя дальние подступы, пробы и ошибки. Недаром «Письмо с фронта» без малейших колебаний было введено в коллекцию Третьяковской галереи.

Это был второй год после Великой Победы. Радостное, просветленное настроение, чувство торжества и гордости за достойно и мужественно прожитые военные лета. Искусство первых послевоенных лет как раз и отображало прежде всего это общенародное мироощущение, выполняя своего рода социальный заказ. Зритель искал холсты, полные мажорного оптимизма и веры в будущее. Обращаясь к собственно военным годам, все равно воспринимали их сквозь призму этой веры, без которой была бы невозможной и сама Победа.

Вот почему, создавая в «Письме с фронта» образ войны, столь непохожий на ее последующие интерпретации, Лактионов не впадал в «нарочитое бодрчество» — просто он увидел событие глазами современника. Вот что при его незаурядном пластическом мастерстве обеспечило созвучие художественного замысла с внутренней потребностью зрителей. Об этом красноречиво говорили восторженные записи в книге отзывов Всесоюзной художественной выставки, на которой «Письмо с фронта» сделалось одним из центральных событий.

Главная тема картины — уверенность в близком окончании напряжения военной поры. Полотно Лактионова исполнено высокого реализма, построенного на сознательном отборе типических черт и, больше того, — на возвышенных и тонко разработанных метафорах и символах. Тот факт, что моделями художника стали его собственные дети, воспитывавшая их тетя, а образ раненого солдата-десантника создавался также прямо с натуры — для него позировал друг автора художник Нифонтов, и, больше того, само громадное по формату полотно писалось практически без подготовительных разработок — все это доказывает верность Лактионова правде жизни.

Его влюбленность в сложнейшие световые и цветовые нюансы видимой формы, его готовность здраво и непредвзято передавать всю прихотливую вязь рефлексов, фактур различных тканей и воздушную дымку, его страсть к предельной четкости объемов, создающей обаяние осязательности, разумеется, не самоцель, а лишь тончайший аппарат выразительных средств, призванных работать на высокую и обобщающую идею. Идею глубоко народную, советскую. Идею о конечном и неизбежном торжестве света и добра, справедливости и человечности над злом и насилием.

Обратите внимание, как символична композиция картины: мы наблюдаем

А. ЛАКТИОНОВ. «Письмо с фронта». 1947.

ПИСЬМО
С ФРОНТА

простую, незамысловатую по фабуле бытовую сцену как бы из темноты к свету, что является прямым переложением на язык живописи больших, обобщающих образов двух фаз народного самосознания в Великой Отечественной. От мрачных и тяжелых переживаний первых лет — к яркому полуденному солнечному свету надежды, воцарившемуся в душах советских людей после Сталинградской битвы.

Лактионов и сам упоминал о 1943 году как об отправной точке своего замысла. Символично присутствие на холсте представителей трех возрастов: это признак сплоченности всех живых сил народа. Ведь «Письмо с фронта» исторично — здесь суммировались воспоминания о многих отечественных войнах с порабощателями русской земли. Лактионов и тут оставался на почве строгого следования правде времени: ведь

неотъемлемой составной патриотического подъема Великой Отечественной была и память о героизме.

Большинство биографов художника вскользь, как на случайное и преходящее обстоятельство ссылаются на то, что «Письмо с фронта» писалось в самом буквальном смысле в бывшей келье в стене Троице-Сергиева монастыря, куда занесла судьба аспиранта ленинградской Академии художеств вместе с его семьей. А ведь именно здесь Сергей Радонежский благословлял войско Дмитрия Донского на Куликовскую битву, именно здесь, в Загорске, древние камни помнили Петра I и многих других выдающихся людей русской истории. Не случаен в фоне картины дворик монастыря со скромным куполом церкви и шпилем колокольни; не случайно, что в век радио и телеграфа письмо с фронта доставлено адресату таким вои-

стину средневековым способом — оказией (факт, с которым Лактионов столкнулся воочию на одной из загорских улочек); не случайно, наконец, что в «годы фанфар» художник не побоялся изобразить прогнивший пол, облупившуюся штукатурку стены и чуть ли не «рембрандтовские» стоптанные шлепанцы...

Все это не игра в приземленность, а признаки соотнесенности настроения людей 40-х годов с более ранними, не менее героическими эпохами. Нам становится ясно, что победа такого, уверенного в своих силах и моральном превосходстве народа была изначально, непреложно неизбежна. Сила зла противостояла не только и даже не столько превосходящая грубая физическая сила же, но нечто более масштабное и надвременное, непреходящее — нравственное здоровье общества, неспособного склонить голову перед кем бы то ни было. Это наследники Александра Невского, потрясающего даже всемогущего монгольского владыку своей готовностью принять мученическую смерть, не отступить от веры отцов. Короче, «Письмо с фронта» — произведение о неиссякаемости духовного потенциала народа. Вот подлинно социалистический реализм, впитавший классические традиции мирового искусства, опирающийся на фундаментальные первоосновы народных представлений о прекрасном, истинном и вечном.

Картина по-передвижнически диалогична — недаром учителем Лактионова был преданный ученик Репина И. Бродский. Посмотрите, как искусно срежиссирован тут символический контрапункт поз, жестов и взглядов. Из пяти персонажей трое — женщины, что вполне оправданно в годы войны. От молодой девушки с повязкой ПВХО, кокетливо поглядывающей на раненого бойца, идет прямая линия к нарядно одетой девочке, опершейся о косяк, а от нее в свою очередь — к мальчику-пионеру, читающему письмо с чувством ответственности за «боевое» задание: между пожилой женщиной и курящим самокрутку солдатом с орденами на груди также протянулась нить интимного взаимопонимания, как возможно это между вполне зрелыми, многое повидавшими на своем веку людьми. На пол залетели первые желтые листья, предвещающие осень, что становится знаком приближения поры сбора плодов, урожая...

Художественный такт и доверие к зрителю с его сотворческим домысливанием проявлены здесь художником. Это заметно: вдали, на втором плане, шагает навстречу нам солдат в полевой форме, готовый присоединиться к обсуждению обнадеживающих вестей с фронта. Он идет легко, свободно, открыто, хотя и пока один. Ну, да все еще впереди! В том-то и пафос картины, что в ней соединены все важнейшие временные пласты, думы о месте и смысле данной сцены в контексте существования и героев, и всего народа в целом.

Реализм Лактионова силен тесным единством главного и второстепенного, что выступает в «Письме с фронта» утверждением своей программной концепции.

Давным-давно известно, что истинные «картины века» пишутся главным образом этим самым веком. «Письмо с фронта» потому сохранило свою чарующую и поныне прелесть искреннего и свежего взгляда на мир, что оказалось непревзойденным по насыщенности и четкости документом эпохи, концентрированным ее выражением. Летопись достижений советского искусства обрела здесь важнейшую, рубежную веху.